

Голованенко С.А. [Рец. на:] Ветухов А. Жизнь слова: (Основы теории словесности для школы и самообразования). Издание 3. Ярославль, 1915 // Богословский вестник 1917. Т. 1. № 1. С. 173–176 (2-я пагин.).

к р и т и к а.

173

кая критика и тщательный анализ всѣхъ данныхъ касательно ихъ. Каждое свидѣтельство оцѣнивается съ точки зрѣнiя своего происхожденiя и исторической достовѣрности, архивное ли оно, заключается ли въ ученое изслѣдованiе, въ беллетристическомъ произведенiи, въ родѣ повѣстей Н. С. Лѣскова, В. И. Немировича-Данченки и др., или дошло до насъ путемъ устнаго преданiя. Что касается послѣдняго, то проф. Глубоковскому удалось выяснить источникъ нѣкоторыхъ легендъ, прилагавшихся къ пр. Смарагду, и доказать „бродячiй“ характеръ нѣкоторыхъ изъ нихъ, связываемыхъ и съ другими популярными архiereями. Затѣмъ трудъ Н. Н. Глубоковскаго отличается замѣчательнѣйшей полнотой и точностью цитации, что можно ставить въ образецъ и другимъ изслѣдователямъ, особенно тѣмъ, кто имѣетъ дурную привычку сокращать до невозможнаго названiя цитируемыхъ книгъ. Правда, обилiе сносокъ, подтверждающихъ чуть не каждую мысль и слово текста не дѣлаетъ книгу легкой для чтенiя, но оно облегчаетъ работу критика и пролагаетъ путь къ дальнѣйшимъ изслѣдованiямъ по всѣмъ тѣмъ направленiямъ, какiя проложены проф. Глубоковскимъ.

Наконецъ хочу отдать должное и языку книги. Проф. Глубоковскiй вообще не многословенъ и мысль свою выражаетъ сжато, стилемъ чеканнымъ и сильнымъ. Его языкъ оригинально красивъ и полонъ мѣткихъ сравненiй и образовъ.

*К. Харламовичъ.*

IV.

А. Ветуховъ. Жизнь слова. (Основы теории словесности для школы и самообразования). Изд. 3. Ярославль, 1915 года.

Когда читаешь небольшую, но глубокую, брошюру А. В. Ветухова „Жизнь слова“, то начинаешь опредѣленно сознавать, что большинство учебниковъ теории словесности должно быть озаглавлено—„смерть слова“. Живое слово замираетъ въ учебникахъ не только отъ тисковъ мелкихъ—дидактическихъ требованiй... Теорiя словесности, явно и тайно, подчинена параграфамъ плохихъ учебниковъ логики и спутана историко-литературными обрывками. Эта контрабанда, очень грузная, подавляетъ неокрѣпшую мысль: вмѣсто трогающаго

мысль разсказа о жизни слова,—тянутся вереницы жесткихъ и капризныхъ опредѣленій... А что, если слово живо и дѣйствительно; если теорія словесности имѣетъ свои вопросы и свои отвѣты?

Да, теорія словесности изучаетъ строеніе словесныхъ произведеній—живыхъ организмовъ... Она не раба логики и не заемщица только исторіи. То, что въ учебникахъ внѣшне—сплочивается мертвыми частями, то—часть организма, вѣтвь словеснаго—живого древа... Таковъ по общему тону отвѣтъ „Жизни слова“; отвѣтъ, намѣчающій очертанія въ строеніи, рождающихся и растущихъ, словесныхъ произведеній. Наша задача не разсказывать и не оцѣнивать содержанія брошюры (это сдѣлано давно въ педагогической литературѣ), а затронуть два, существенныхъ для *духовной* школы, вопроса. Какое значеніе можетъ имѣть эта брошюра для преподавателей словесности въ духовныхъ семинаріяхъ? Понятенъ ли конспектъ—учебникъ воспитанникамъ перваго класса семинаріи?

1. Создалось странное положеніе... Духовная школа не имѣетъ своего, нарочито-педагогическаго, органа: въ академическихъ журналахъ рѣдкость статья по педагогикѣ и, кажется, небывалое—статьи по методикѣ. Между тѣмъ,—не говоря о чисто-богословскихъ предметахъ, преподаваніе общеобразовательныхъ предметовъ въ семинаріи вызываетъ много такихъ методическихъ вопросовъ, которые неизвѣстны свѣтской школѣ. Теоріи словесности въ академіяхъ нѣтъ... *Что преподавать и какъ преподавать?* Безъ прочнаго научнаго ознакомленія съ теоріей словесности, предметомъ внутренне-неустойчивымъ, хорошія книги и цѣнныя руководства зачастую смущаютъ и путаютъ: теорія словесности незамѣтно расплывается—то въ логикѣ, то въ психологіи, то въ языкознаніи. Достаточно указать на новѣйшій курсъ теоріи словесности Лыскова.—Въ этой, иногда не только отъ времени проистекающей, растерянности конспектъ Ветухова можетъ явиться вѣхой, намѣчающей надежные и прямые пути: и до ознакомленія со спеціальной литературой, и при изученіи сыръя курсовъ этотъ конспектъ—лучшій помощникъ и совѣтникъ.

Второй вопросъ—какъ преподавать? (=какое избрать руководство?)—еще сложнѣе. Вѣдь воспитанники семинаріи не

то, что гимназисты восьмого класса, гдѣ можно руководствоваться курсами Золотарева, Шалыгина!.. Вѣдь учебникъ Ливанова, одобренный новой программой и принятый въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ, предполагаетъ познанія въ психологіи и нерѣдко засоренъ историческими справками... Вѣдь учебникъ Бѣлоруссова, наиболѣе, кажется, распространенный, и внутренне и внѣшне,—тощъ. Самъ по себѣ онъ не приноситъ ни званія жизни слова, ни навыка четко мыслить; а при существенныхъ дополненіяхъ и измѣненіяхъ сводится почти на нѣтъ. Цѣнность его скорѣе отрицательная: онъ не большой, не слишкомъ туманить молодой умъ, не связываетъ крѣпко преподавателя...

Всякая же самостоятельная разработка матеріала и плана занятій встрѣчаетъ много внутреннихъ и внѣшне-методическихъ препятствій. Конспектъ Ветухова приходитъ на помощь: полуопредѣленные схемы даютъ возможность, съ одной стороны, цѣлесообразно привлечь пестрый матеріалъ, а съ другой, не разбросаться, не расплыться... И, наконецъ, стиль Ветухова, въ своемъ общемъ тонѣ, можетъ быть на урокахъ вполне принятъ: даже самыя отвлеченныя мысли, проясненныя образами, понимаются лучше и скорѣе, не говоря уже о томъ, что постоянно-живая рѣчь сдѣлаетъ уроки затрагивающими душу.

2. Понятенъ ли конспектъ-учебникъ воспитанникамъ перваго класса Семинаріи?

Юную мысль поработаетъ непривычно-тѣсная форма, но ее крайне смущаетъ и безформенность: необходимы, болѣе или менѣе, четкія линіи, которыя направляли бы творчество формирующей мысли. Органическое пониманіе слова выражено Ветуховымъ языкомъ *образовъ*, въ которыхъ нерѣдко мысль чуть-чуть просвѣчиваетъ, и отсюда нарастаютъ дидактическія недомки. Въ душѣ, заполненной образами, языкъ образовъ иногда туманитъ и стираетъ просвѣчивающіеся *намекы* мысли, не давая имъ проясниться и затвердѣть: узорчатая ткань образовъ, для взрослыхъ прозрачная, кажется юнымъ малопроницаемой, хотя и красивой. И становится понятной жалоба лучшихъ воспитанниковъ: все расплывается, т. е. надо самому создавать точную форму для близкаго, душѣ—понятнаго, но туманно *выраженнаго* содержанія. Несомнѣнно, что въ конспектѣ-учебникѣ разсыпано

то, что должно быть разработано на урокахъ, и нѣтъ времени вполне кристаллизовавшейся мысли, необходимой при повторныхъ обзорахъ. Кроме того, понимаю конспекта мѣшаютъ стилистическія мелочи, въ итогѣ разрастающіяся въ нѣчто отпугивающее. Ветуховъ знаменуетъ жизнь слова богатыми русскими словами, иногда непривычными (всхожестъ, молодъ, бытуеть и др.) и, наряду съ этимъ, злоупотребляетъ чужеземными словами, часто только затемняющими смыслъ (проецированіе, утрировка, дифференціация, индивидуализируется въ деталяхъ и мн. др.). Иностранныя слова высвѣчиваютъ многозначно, что, во-первыхъ, вообще сбиваетъ нить мысли и, во-вторыхъ, можетъ навести на скользкое пониманіе нѣкоторыхъ приемовъ творчества (идеализация, символизировать, типичный и др.).

И, наконецъ, не говоря о случайно-привходящихъ логическихъ понятіяхъ, нѣкоторые моменты теоріи художественнаго творчества остаются нарочито-неразсмотренными и даже необъясненными (ритмъ, символъ, отчасти—типъ и др.), тогда какъ объясняется, напримѣръ, такое прозрачное слово, какъ „со-страданіе“...

Итакъ, на второй вопросъ слѣдуетъ отвѣтъ полуотрицательный. Но если въ теперешнемъ своемъ видѣ, безъ дальнейшей внутренней кристаллизаціи и внѣшнихъ—стилистическихъ упрощеній, „Жизнь слова“ мало доступна сознанью первоклассниковъ, то при всякой попыткѣ создать что-нибудь на этомъ пути, ни въ какомъ случаѣ нельзя пройти мимо глубоко-цѣннаго конспекта Ветухова: онъ лучшій помощникъ и совѣтникъ...

С. Голованенко.

---